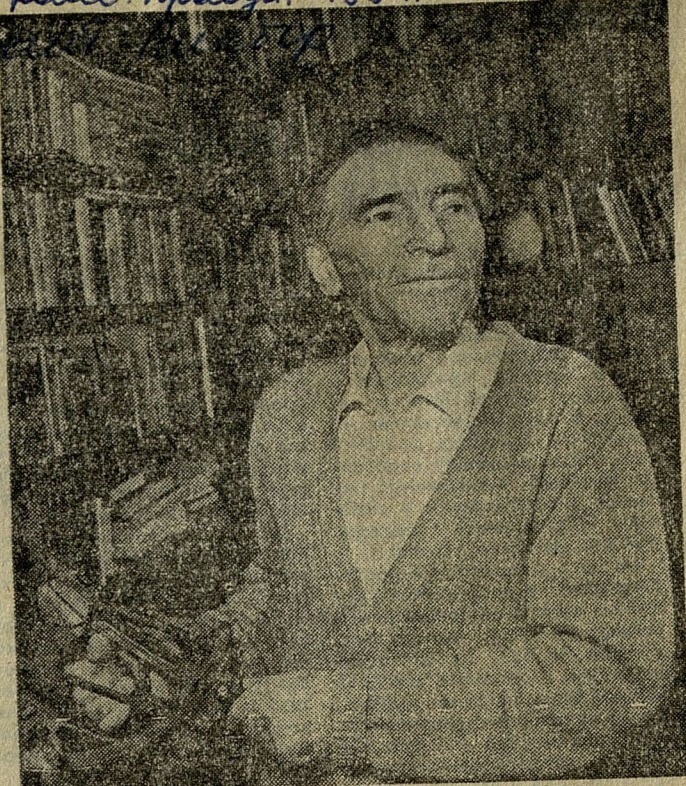

Коме. правда. - 1994. - 11 авг. - с. 2.

11.08.94

Конечный Виктор

Помню, приходим мы в Лондон в 1973-м, идем в магазин русской книги — капитан, помполит и я. Беру в руки томик Солженицына, открываю, а там — мое письмо. Я чуть не упал, все, думаю, «отплавался» моряк Конечный... Хотя бы Александр Исаевич разрешения спросил, что ли... Помнится, когда что-то тут в России вышло без его разрешения, он у себя в Вермонте к сему факту очень строго отнесся — как это так, печатают без его согласия!

— Как вы относитесь к женщинам вообще и к женщинам на флоте, в частности? Рассказывают, что у вас было безумное количество головокружительных скандальных романов.

— К женщинам отношусь положительно, к женщинам на флоте — отрицательно. Сейчас вот планируют в Нахимовское училище девушек набирать. Это ведь вызовет массу проблем! Для них придется делать отдельные гальюны и душевые, отдельные кубрики. А на зарядку они как будут бегать — в бюстгалтерах или, как положено, голыми по пояс? А уж про проблемы с

Виктор Конечный: Все-таки Россию омывают три океана — даже сейчас...

Когда Виктора Конечного спрашивают, кто он все-таки «по жизни» — писатель, а уже потом моряк, или, наоборот, — сначала моряк, а потом только писатель, он честно отвечает: «Не знаю». Море вошло в него навсегда... а может быть — он навсегда ушел в море.

Виктор Конечный не пишет сейчас книг. Мол, возраст уж не тот, огня прежнего, дескать, нет. Но в это не очень верится, потому что, когда он это говорит, в глазах у него пляшут уж очень молодые чертики. Главная забота для Конечного сегодня — организация юбилея Российского флота, 300-летие которого страна будет отмечать в 1996 году. Виктор Викторович — почетный руководитель общественного совета по подготовке юбилея. Этому он отдает все силы, и дай Бог, чтобы их было больше.

— Есть такая поговорка: «Все пропьем, но флот не опозорим»...

— Да-да: «Хоть в трусах, но все-таки матрос».

— Пропили мы в России уже много чего. Удалось ли флот не опозорить?

— Трудный вопрос. Положение на флоте такое же тяжелое, как и в Вооруженных Силах России, да и в России вообще. Да и флот — понятие слишком общее. Есть Военно-Морской, рыбаки, торговый флот, «река-море» и так далее. Проблемы у них очень похожие, но все-таки стоит их рассматривать отдельно.

Разваливается потихоньку наш флот, хотя русские моряки котируются в мире чрезвычайно высоко, а наш диплом капитана дальнего плавания за границей — это, как правило, «сертификат качества». Вот и уходят профессионалы работать в иностранные компании, под чужой флаг. Только из моих близких товарищей пять-шесть капитанов ушли с Российского торгового флота. Естественно, они стараются взять с собой побольше своих людей, лучших профессионалов. Обескровливается флот...

Зато ребята под чужими флагами зарабатывают достаточно, чтобы не спекулировать, вернувшись из рейса, полусгнившим товаром из слаборазвитых стран. Хотя, по сравнению с английскими и американскими капитанами, нашим все равно за границей платят, как неграм...

— Моряк — это очень мужская профессия. Особенно в России, где вообще любая профессия мужская, потому что сложностей столько... Только вот «мужики» — настоящие как-то не очень заметны сейчас — например, в политике. Куда они все подевались?

— Я на наших политиков просто смотреть не могу. На всех абсолютно, никого не выделяя. В свое время я «купился» на Горбачева и года два был в него влюблен, как мальчишка, пока не понял, что это хитрый и довольно слабый человек. У него была всегда одна задача — набрать себе в команду дураков, чтобы на их фоне умным казаться. Как появится у него кто-то умный — сразу Михаил Сергеевич от него старался избавиться. Я ему писал письмо в 1988 году и даже умудрился в нем назвать фамилию Язова, прося Горбачева о бдительности. Ну а потом я в нем разочаровался, что для меня как для писателя было очень обидно. — на старости лет не разобратся в психологии человека... — А Ельцина вы мужичиной считаете?

— Когда-то считал, когда он на броневике стоял, — я был с ним вместе, только здесь, в Питере. 20 августа 1991 года я выступал на Дворцовой, и это было незабываемое впечатление — человеческий океан, единство, решимость...

— Сейчас пошли бы куда-нибудь выступать?

— Если дойдет до гражданской войны — куда мне деваться? Буду принимать в ней участие. Но ни в одну партию не вступлю. Это я решил твердо. Хотя в политику все равно влезать приходится. Наш разговор с вами — это ведь тоже политика...

— В последнее время часто приходится слышать такую фразу: «Порядочный человек в политику не полезет».

— В этих словах много истины. Но ведь ассенизаторы тоже делают грязную работу, а человечеству без ассенизаторов не прожить. Просто нужно быть профессионалом. На первых демократических выборах народ выбирал массу писателей, в том числе моих коллег — я потом с ужасом наблюдал, как они выбирались из того дерьма, в которое попали.

— Может быть, беда наших политиков в том, что они не умеют работать в команде?

— Может быть. Без помощников, без команды не обойтись. Я вот сейчас занимаюсь организацией юбилея флота — конечно, нужна команда. Один человек не может потянуть такой воз. У меня телефон от звонков красный, тысячи писем, море проблем.

— Вы не опасаетесь, что юбилей может получиться грустным?

— Наша обязанность в том, чтобы этого не случилось. Мир должен понять, что Россия — океанская держава. В свое время Рейган чуть ли не в каждой своей речи напоминал, что Америка — это океанская держава, потому что ее омывают два океана. А Россию омывают три океана — даже сейчас.

— Свой личный подарок к юбилею — книгу новую — не готовите?

— Не могу я сейчас писать. Старость, болею, операция у меня была... Юмора прежнего нет... Я вообще заметил, что с возрастом люди теряют чувство юмора. Я, например, раньше в компаниях как начинал «травить» — все под столом лежали от хохота, а сейчас не могу уже. Так что мой вывод: юмор — это дело возрастное.

— Виктор Викторович, ну какие ваши годы?! Посмотрите на Солженицына — вы же почти одногодки. А он орлом по всей России прошелся.

— Да, Солженицын... Нескромно как-то это все, весь этот его приезд. Коробит меня. Да еще все права на съемки по своему возвращению он Би-би-си отдал. Это русский-то писатель, вернувшийся на родину! У меня к нему вообще сложное отношение, последние его вещи я просто не принял... «Красное колесо» — это даже не знаю как и называть — как его ни крути...

Он, конечно, очень мужественный человек, который никогда не щадил себя. Но и о других не думал. Меня он подвел: взял и опубликовал в посевском издании своих сочинений мое письмо IV съезду писателей в поддержку Солженицына. Хотя это было рабочее письмо, что называется, для внутреннего пользования, он не мог не понимать, что, публикуя его, он может доставить мне массу неприятностей. И разрешение делать это я ему никогда не давал.

женщинами на судне я и говорить не хочу. Наш флотский быт сейчас просто не готов к этому.

К женщинам вообще отношусь с уважением и интересом и, кстати, всегда мечтал написать роман о морячке, которая ждет мужа на берегу... Это колоссальная по своему драматизму тема. Я когда думал про книгу о морячке, изучал специальную литературу. Оказывается, женщинам просто физиологически необходима мужская сперма, она мгновенно усваивается женским организмом, который, как известно, намного сложнее мужского... Только прочитав все это, я понял, как чудовищно тяжело было моей матери, которая растила меня без отца. К сожалению, книгу о морячке я так и не написал, но я уверен, что такая книга — настоящая книга — еще будет кем-нибудь написана.

А что касается моих «романов» — даже не знаю, что отвечать. Были, конечно... Но про меня много чего говорят.

— Например, про вас и про Валентина Пикуля говорили, что вы свои книги писали не на трезвую голову, а прихлебывая коньяк из кружек...

— Чупш! Полная ерунда. Пьяным писать невозможно. Пробовал я как-то, когда только начинал, а тогда очень боялся письменного стола и бумаги. И быстро понял, что это мешает. Трудно сконцентрироваться. И про Пикуля — чупш. Я прекрасно знаю, как он работал. Мы же с Валеи вместе учились в военно-морском подготовительном училище... Я, правда, не считал его серьезным писателем — слишком много передегиваний, и я ему об этом всегда говорил. Но его заслуги громадны — он будил в людях интерес к отечественной истории, которую сам, кстати, трактовал довольно вольно... И море он плохо знал, слишком рано ушел оттуда. В «Три возраста Окини-сан» он пассаты с муссонами путал... Я ему звоню, спрашиваю: «Валя, как же так?». А он мне: «Да брось ты, Вита, разве это главное...» Он был большой работяга, и я его очень любил, хотя под конец мы и разругались.

— Виктор Викторович, почему вы не ведете писательский семинар, почему не преподаете?

— Просто не умею преподавать. Наверное, терпения не хватает, выдержки... Да и потом — я писатель-маринист, я пишу о том, что хорошо знаю, значит, и ученик мне нужен такой же... Хотя мне интересно с молодыми, мне нравятся, как некоторые ребята работают, я ничего не вижу плохого в том, чтобы зарабатывать писательским трудом деньги — сам бы с удовольствием написал какой-нибудь боевик. Только это должно быть качественной литературой, а сейчас выходит очень много халтуры.

К появившемуся в новых книжках мату я как-то очень болезненно отношусь — хотя я ведь моряк, я сам просто пропитан матом, без него на флоте просто нельзя. Если матросу сказать просто: «Дай конеп» — он тебя не поймет. А если сказать «...твою мать... подай... конеп!» — то он уже сразу знает, что делать. Но это — жизнь. А литература — она должна быть красивой, ориентировать человека на прекрасное, на высокую эстетическую эмоцию... Тем более если это — русская литература...

Интервью взял Андрей КОНСТАНТИНОВ. (Наш корр.) Санкт-Петербург. Фото Анвара ГАЛЕЕВА.